

Научная статья

УДК 393.05; 82-193.6

DOI 10.25688/2619-0656.2023.11.08

СТИХОТВОРЕНИЕ «ПОМИНКИ» С.А. ЕСЕНИНА И РУССКАЯ ПОГРЕБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Елена Александровна Самоделова

Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, helsa@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3856-0578>

Аннотация. Во введении рассмотрена встроенность стихотворения «Поминки» в поэтическую систему Есенина. Актуальность исследуемой проблемы заключается в историко-культурном и текстологическом комментарии, в обосновании и уточнении условной датировки; произведение уже было прокомментировано в академическом «Полном собрании сочинений» Есенина, но здесь даны дополнительные аргументы и контекстуальные сведения. Материал исследования распадается на основной и контрольный: к первому относится содержание «Поминок», ко второму — экспедиционные записи автора и публикации исследователей по погребально-поминальному циклу русской народной обрядности, включая фотографии. Предлагается коррекция методов предшественников: при анализе произведения необходимо отталкиваться от его содержания, а не от даты, тем более неавторской, условной. Основная часть: тема погребения и похорон является типичной для Есенина, сквозной для его творчества, как художественного, так и эпистолярного, начиная с 1912 года. Похоронно-поминальная тематика характерна для сочинений самых разных жанров писателя: писем, рассказа, повести, стихотворений, «маленьких поэм», поэм и др. Склонность Есенина к разнообразным художественным трактовкам темы смерти обусловлена рядом факторов: его родовой принадлежностью к православным русским с верой в загробную жизнь, трагичностью эпохи с ее войнами и революциями, жизненными обстоятельствами и личностными особенностями, а также вниманием творческой интеллигенции Серебряного века к мифам о загробном царстве и к народным представлениям о «том свете». «Поминки» написаны на основе локальной народной традиции Рязанской губ., интересны художественными решениями и константами: «мертвые жилища», «отпетые могилы», причитающие родственники, нищие-побирушки, а также образами-сим-

волами — ивы-сироты и др. Выводы касаются возможности двойного прочтения «Поминок» — как стихотворения на вечную тему круговорота жизни и смерти, представления о вечности, так и показа трагических событий Первой мировой войны.

Ключевые слова: «Поминки» Сергея Есенина, фольклоризм писателя, народный похоронный обряд, «родительские субботы», образ причитальщицы.

Для цитирования: Самоделова Е.А. Стихотворение «Поминки» С.А. Есенина и русская погребальная культура // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев; отв. ред. И.Н. Райкова. Вып. XVII. М.: ИКД «Зерцало-М», 2023. С. 122–142. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.08>.

Original article

POEM “WAKE” BY SERGEI YESENIN AND RUSSIAN FUNERAL CULTURE

Elena A. Samodelova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, helsa@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3856-0578>

Abstract. The Introduction examines the integration of the poem “Wake” into Yesenin’s poetic system. The relevance of the problem under study lies in the historical, cultural, and textual commentary, in the justification and clarification of the conventional dating; the work has already been commented on in the academic “Complete Works” of Yesenin, but additional arguments and contextual information are given here. The research material is divided into main and control: the first includes the content of “The Wake”, the second includes the author’s expedition records and publications of researchers on the funeral and memorial cycle of Russian folk rituals, including photographs. The research methods and materials used by predecessor researchers are considered, their correction is proposed. When analyzing a work, it is necessary to start from its content, and not from the date, especially a non-author, conventional one. In the main part show, that the theme of burial and funeral is typical for Yesenin, cross-cutting in his work, both artistic and epistolary, starting from 1912. Funeral and memorial themes are typical for the works of a wide variety of genres of the writer: letters, short stories, stories, poems, “small poems” and poems, etc. Yesenin’s penchant for numerous and varied artistic interpretations of the theme of death is due to several factors. His family affiliation with Orthodox Russians

with belief in an afterlife, the tragedy of the era with its wars and revolutions, life circumstances and personal characteristics, as well as the attention of the creative intelligentsia of the Silver Age to myths about the afterlife and to popular ideas about the “other world”.

Keywords: “Wake” by Sergei Yesenin, folklorism of the writer, folk funeral rite, “parental Saturdays”, image of the lamenter.

For citation: Samodelova E.A. (2024). Poem “Wake” by Sergei Yesenin and Russian funeral culture. In: *Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. Chief editor S.A. Vasil’ev; publishing editor I.N. Raikova. Vol. XVII. Moscow: Zertsalo-M. Pp. 122–142 (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.08>

© Самоделова Е.А., 2023

Введение. В творчестве С.А. Есенина имеются «Поминки» (<1915>)¹ [Есенин 1996: IV, 118] – стихотворение с «говорящим заглавием», этнографически достоверно воссоздающее народный поминальный обряд в его локальной разновидности, совершаемый на кладбище; возможно, подразумевается и погребальный ритуал, но отчетливых признаков его проведения нет. Содержание произведения и его поэтическая стилистика допускают разные толкования изображенной ситуации.

Поминальная традиция с образом кладбища широко представлена в русской литературе: «Сельское кладбище» (1802, 1839) В.А. Жуковского, «Два чувства дивно близки нам...» (1830) и «Стою печален на кладбище...» (1834) А.С. Пушкина, «Севастопольское братское кладбище» (1887) А.А. Фета и др. Есенин изучал эти и подобные стихотворения в школьные и университетские годы. Безусловно, похожий культурный код имеется и в зарубежной поэзии, поскольку тема погребения и поминовения носит онтологический статус.

Для Есенина погребально-поминальная традиция тоже характерна с раннего периода. Она многоаспектна и представлена в сочинениях разных жанров, преимущественно поэтических; исключение – «Бобыль и Дружок (Рассказ, посвященный сестре Катюше)» (<1914–1915>, по нашим данным), завершающийся двумя смертями – человека и собаки и, соответственно, описаниями погребения и последующего трагического события на кладбище. Погребально-поминальный культурный код произведений Есенина начинается с описания похорон, проходит через поэтические некрологи и возвышается до сложных метафор о бренности человеческой жизни и погребении: «Что прошло – не вернуть...» (1911–1912), «К покойнику» (1911–1912), «Вьюга на 26 апр<еля> 1912 г.» (1912), «Пребыва-

¹ Угловые скобки здесь и далее показывают условность датировки произведения.

ние в школе» (<1911–1912>), «На память об усопшем у могилы» (<1912–1913>), «Исповедь самоубийцы» (<1913–1915>), «О дитя, я долго плакал над судьбой твоей...» (<1915>), «Занеслися залетною пташкой...» (<1915>), «Закружилась пряха снежистого льна...» (<1916>), «На память Мише Мурашеву» (15 марта 1916), «Небо сметаной обмазано...» (9 июля 1916), «Пушистый звон и руга...» (<1916–1917>), «Свищет ветер под крутым забором...» (<1917>), «Памяти Брюсова» (<1924>), «Снежная равнина, белая луна...» (4/5 октября 1925) и др. Длинный перечень произведений Есенина с похоронно-поминальными мотивами свидетельствует о значимости этой тематики для поэта.

Показательно, что, однажды опубликовав стихотворения на погребально-поминальную тему или даже ни разу не напечатав их, Есенин в 1925 году не возвращается к большинству из них при подготовке «Собрания стихотворений» (т. 1 опубл. в 1926 г.). Часть перечисленных произведений, в том числе «Поминки», опубликована в посмертном 4-м томе «Стихи и проза» [Есенин 1927: IV].

Цель данной статьи – представить историко-культурный и текстологический комментарий (особенно в части условной датировки) к стихотворению «Поминки» Есенина. Краткий «реальный» комментарий дан в академическом «Полном собрании сочинений: В 7 т. (9 кн.)» С.А. Есенина [Кошечкин, Юсов 1996: 380–381]. Новое филологическое прочтение «Поминок» осуществлено в статье Л. Рынгач (2013) и в монографии «Сергей Есенин: Истоки творчества» (2014) М.В. Скороходова [Рынгач 2013: 49; Скороходов 2014: 324–325], но исследовательская методология вызывает вопрос. Построение филологического анализа в зависимости от предполагаемой даты написания произведения сейчас входит в научную практику, но мы не считаем это правильным и допускаем его использование только в качестве и вспомогательного метода. Авторы такой методики отталкиваются от условной даты, которая не принадлежит автору и не подкреплена содержанием самого стихотворения, а в итоге оно проанализировано исходя из заданных хронологией конкретно-исторических реалий.

На наш взгляд, первичен художественный текст, а дата, даже если бы она была поставлена автором в конце текста и образовывала с ним смысловое единство (не всегда достоверное), всё равно остается вторичной, относится к дополнительным структурным элементам. Другое дело, когда дата органично входит в произведение, открывая его или появляясь в центре композиции и т. п., что свойственно некоторым жанровым формам – например, письму, дневнику, журналу путешественника и т. п. Дата, обозначенная филологами (как в данном случае), впоследствии может быть уточнена, существенно сдвинута, изменена в какую-либо сторону или, наоборот, подтверждена новыми данными, но текст, сохранившийся в рукописи (не в этой ситуации) и тем более опубликованный автором,

остается неизменным, но и он может иметь авторские варианты и редакции. Специальных работ, посвященных «Поминкам» Есенина, нет; восполнить пробел нацелена данная статья.

Материалы и методы исследования. Материалами исследования служат само изучаемое сочинение, массив художественных и документальных произведений Есенина (как творческий контекст), имеющиеся воспоминания о поэте и отклики прижизненной критики (как контекст эпохи). Часть таких данных в хорошо структурированном виде представлена в «Летописи жизни и творчества С.А. Есенина: В 5 т. (7 кн.)» [Летопись 2003–2018]. Методом исследования выступает аналитическое изучение исторического и этнографического контекста, обнаруживаемого в публикациях обозреваемого периода начала XX столетия и вплоть до современности, а также научная рефлексия автора в связи с личными наблюдениями над похоронно-поминальной обрядностью в фольклорно-этнографических экспедициях по Рязанской обл., начиная с 1982 года (в том числе и во время многократного пребывания на «малой родине» поэта – в с. Константиново Рыбновского р-на и в окрестных селениях). Во время полевой работы применялись элементы разных методик: интервью со старожилami и прочим населением о погребально-поминальной практике, посещение кладбищ и разговоры там с местными жителями на соответствующие темы в будни, важные церковные праздники и специальные «родительские дни», присутствие в церквях при отпевании усопших, беседы со священниками, фотографирование общих кладбищенских видов и конкретных элементов с ярко выраженным обрядовым и этническим наполнением. Практиковались общие и тематические опросы и метод «включенного наблюдения», рассматривались фотографии на ритуальную тему, демонстрируемые старожилami¹. Важно подчеркнуть, что экспедиции проводились для сбора фольклора и фиксации этнографического материала, а не прицельно для изучения деятельности и творчества Есенина. Даже в с. Константиново фигура поэта была важна в той же степени, что и биографии других местных жителей, рассматриваемых в качестве «носителей народной культуры» в ее региональном варианте. Однако в результате накопленные десятилетиями экспедиционные материалы и личный опыт исследователя позволили приступить к исследованию «Поминок» Есенина (как и других его сочинений и жизненных обстоятельств). Привлекаются

¹ В с. Константиново сотрудники Государственного музея-заповедника С.А. Есенина оказывали содействие в оцифровке фотографий с погребальной тематикой, которые любезно предоставляли для ознакомления местные жители. В других селах и деревнях с появлением цифровых фотоаппаратов велась пересъемка старых фотографий; в районах практиковалась их оцифровка в фотостудиях (до приобретения экспедиционного прибора в 2006 г. на средства специальной научной программы РАН).

полевые данные и современных этнографов, опубликовавших подобные экспедиционные сведения. В связи с узкоспециальной церковной лексикой, использующейся на богослужениях и при описании быта служителей церкви, которая проникла в художественную ткань стихотворения, возникла необходимость наведения справок в энциклопедиях и словарях: одни из них мог читать Есенин, а другие в более позднее время уточняли прежние сведения.

Основная часть

Вопрос о датировке «Поминок». Тема похорон звучит в письме Есенина к подруге юности М.П. Бальзамовой во второй декаде июля 1912 г. из с. Константиново, с цитатой из песни: «И так становится больно-больно, что даже можно рискнуть на существование на земли и так презрительно сказать – самому себе: зачем тебе жить, ненужный, слабый и слепой червяк? Что твоя жизнь? “Умрешь – похоронят, сгниешь и не встанешь” (так пели вечером после нашей беседы <...>)» [Есенин 1996: VI, 10–11, № 4]. Из воспоминаний современников известно, что Есенин с детства любил ходить на похороны – до того, как увидел синего раздувшегося утопленника, и тогда сказал, что покойники определенно нехороши.

Как считают некоторые исследователи, для уяснения смысловых нюансов «Поминок» в определенной мере важна его датировка, которую мы устанавливаем по времени подготовки к изданию в составе сб. «Радуница» (1916): 1915 год, до 23 октября – по рекомендательному письму С.М. Городецкого 23 октября 1915 г. А.В. Руманову, представителю в Петрограде газеты «Русское слово» московского издателя И.Д. Сытина – «Не издашь ли его первую книгу “Радуница” у Сытина?» [Сергей Есенин в стихах 1995: 307; Летопись: I, 271].

16 ноября 1915 г. Есенин написал и оставил издателю М.В. Аверьянову документ: «1915 года ноября 16 дня продал Михаилу Васильевичу Аверьянову в полную собственность право первых изданий в количестве трех тысяч экземпляров моей книги стихов “Радуница” <...>» [Есенин 2000: VII (2), 200; Летопись: I, 285]. 20 июня 1924 г. поэт указал в «Автобиографии» о 1915 годе: «А осенью этого же года Клюев мне прислал телеграмму в деревню <с. Константиново> и просил меня приехать к нему. // Он отыскал мне издателя М.В. Аверьянова, и через несколько месяцев вышла моя первая книга “Радуница”. Вышла она в ноябре 1915 года с пометкой 1916 год» [Есенин 1999: VII (1), 16; Летопись: I, 285]. Действительно, Есенин находился в с. Константиново и в промежуток с 16 по 20 сентября послал Н.А. Клюеву письмо (оно неизвестно) о своем намерении прибыть в Петроград и встретиться с ним [Летопись: I, 262]. Современные текстологи называют более позднюю дату выхода в свет «Радуницы» – до 28 января 1916 г. [Летопись: I, 317]; ноябрь 1915 г. был только временем составления издательского договора.

Однако неизвестно, входили ли «Поминки» в кипу более ранних произведений, которые увидел М.П. Мурашёв 10 или 11 марта 1915 г., приняв поэта по рекомендации А.А. Блока в Петрограде: «Есенин вынул из сверточка в газетной бумаге небольшие листочки и стал читать» [С.А. Есенин в воспоминаниях 1986: I, 187–188; Летопись: I, 208].

«Поминки» были созданы поэтом до поступления на военную службу: 5 апреля 1916 г. поэт получил удостоверение № 900/556 от Уполномоченного Ее Величества по Царскосельскому военно-санитарному поезду № 143 Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны, подписанное полковником Д.Н. Ломаном для направления Есенина (ратника II разряда) в Царское Село в его распоряжение [Летопись: I, 344]. Фактически Есенин прибыл на службу 12 апреля 1916 г. и был зачислен в списки Петроградского резерва санитаров [Летопись: I, 347]. Понятно, почему кладбищенская тема звучала с привычных гражданских позиций, даже если стихотворение было написано в начальный период Первой мировой войны и в нем можно уловить трагедию гибели русских воинов, хотя не всё так однозначно, о чем речь пойдет далее.

Биографическая основа произведения. Ко времени написания стихотворения у Есенина многие родные (брат Петр, сестры Ольга и Анна, бабушка А.П. Есенина и др.) были похоронены в с. Константиново, очевидно, уже на новом кладбище за улицей Алексеевка, где позже упокоились дед Ф.А. Титов (1845–1927) и отец поэта А.Н. Есенин (1873–1931). Сестра А.А. Есенина в воспоминаниях «Родное и близкое» указывала, что Есенин часто погружался в собственные мысли на старом кладбище (располагавшемся на высоком холме над р. Окой у церкви Казанской иконы Божией матери, ныне утраченном, кроме часовни и надмогильной плиты): «В правом углу кладбища, у самого склона горы, среди могильных камней, покрытых зеленоватым мхом и заросших крапивой, стояла маленькая каменная часовня, крытая тесом. Рядом с ней лежал старинный памятник – плита. На этой плите любил сидеть Сергей. Отсюда открывался чудесный вид на наши приокские раздолья» [С.А. Есенин в воспоминаниях 1996: I, 56]. Есенин в «Автобиографии» (<1923>) описывал свое отношение к кладбищу в детстве как к обычному, не сакральному пространству: «Потом я научился делать эту процедуру <вынимание частей из просфоры> сам перочинным ножом, а 2 коп<ейки> клал в карман и шел играть на кладбище к мальчишкам, играть в бабки» [Есенин 1999: VII (1), 11].

Есенин с раннего детства посещал церковь Казанской иконы Божьей матери в родном с. Константиново (см. «Автобиографии») [Есенин 1999: VII (1), 9, 11], а во время учебы в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе в 1909–1912 гг. он принимал участие в церковных службах,

которые продолжались на кладбище при погребении покойников и в поминальные дни, называемые родительскими субботами. Кладбище располагалось рядом со школой и с церквями Николая Чудотворца и Спаса Преображения. Ю.Л. Прокушев, ссылаясь на слова Г. Черняева и других соучеников Есенина, сообщил о его уединении в с. Спас-Клепики на кладбище: «Весной и осенью Есенин почти не бывал в интернате, его всегда можно было встретить в роще, на кладбище или на берегу речки» [Прокушев 1963: 71].

Фольклорно-этнографические истоки «Поминок» Есенина. Сюжет стихотворения восходит к поминанию в особые поминальные дни или, менее вероятно, к поминкам после похорон. Камни на могилах (помимо надгробного креста), упоминаемые в произведении, — значимая примета кладбищ в Рязанском и Егорьевском уездах Рязанской губ., в том числе в с. Константиново и с. Спас-Клепики, сохранившаяся донныне (также отмечены в других центральных областях России — в Московской, Липецкой, Тульской обл., на северо-востоке Нижегородской обл., в Мордовии, нижнем течении Дона и его притока Северского Донца). Некоторые исследователи связывают их со старообрядческой погребальной традицией [Михайлов 2002: 55; Кремлева 2009: II, 190; Громов 2023]. Подчеркнем: валуны на могилах не являются неизменным их атрибутом, встречаются не повсеместно в России, но оказываются важным региональным маркером народного мировоззрения.

Есенин в «Поминках» косвенно упомянул фольклорный жанр причитаний (голошений) — «Причитают матери и крёстные, / Голосят невесты и золовки» [Есенин 1996: IV, 118], а в статье «Быт и искусство» (<1920>) обозначил жанровую разновидность надгробных песен: «Звуки умеют привязывать и развязывать, останавливать и гнать бурей. Всё это уже известно давно, и на этом давно построены определения песен героических, эпических, *надгробных* и свадебных» [Есенин 1997: V, 216] (курсив наш. — *Е.С.*). О пении таких «надгробных» песен — определенной разновидности духовных стихов — в с. Шёхмино Рыбновского р-на рассказывали: «Шёхмино — хоронят с песнями старообрядными, как старообрядческие; они старообрядцы, они человека несут, садятся после похорон за стол и опять поют песни, на душе легко; церкви нет, там деревня» (запись Е.А. Самоделовой, тетр. 27, с. 88, Охошина Т.Ф., 1941 г.р., родом из д. Антоново Касимовского р-на, живет в с. Константиново Рыбновского р-на, 25.08.2005). По нашим экспедиционным данным 1990–2020-х гг., поминальные духовные стихи о прощании с родным человеком, о его завете близким людям не грешить, о загробном путешествии души и т. п. бытовали и в селах Константиново, Кузьминское, Федякино и др. Цитаты из подобных духовных стихов до сих пор вырезаются на надгробных плитах в Рязанской обл., как и повсеместно в России. Образ причитальщицы (вопленицы —

как называли на Русском Севере) запечатлен Есениным в заглавии статьи «Ярославны плачут» (<1914–1915>) с аллюзией на плач Ярославны из «Слова о полку Игореве» [Есенин 1997: V, 175]. Безусловно, Есенин мыслил в струе национальной погребально-поминальной культуры, диктовавшей в его время настоятельную необходимость исполнения похоронных и поминальных плачей как произведений особого жанра фольклора, причем тогда причитания рассматривались как живая традиция обращения к вечности, хотя сейчас они перестали быть актуальными.

В «Поминках» Есенин сделал поэтический акцент на трагическое звучание женских голосов на кладбище: на голошение невест (потерявших женихов), золовок, родных и крестных матерей (игравших важную роль в многодневном свадебном обряде, в данном случае намеченном и не доведенном до конца); на поминание сразу нескольких покойников. В результате вроде бы зарождается антитеза: женщины оплакивают почивших мужчин (вероятно, молодых, приходящихся им женихами, братьями и сыновьями), однако пол покойников в стихотворении не указан. Возникает вопрос: присутствуют ли мужики и парни на кладбище, стоят ли они в скорбном молчании? Есенин не называет их прямо, о них вообще ничего не сообщается, и из строки «Вяжут нищие над сумками бечевки» [Есенин 1996: IV, 118] не ясно: «нищие» – это мужчины (вероятно, пришлые) или «странницы», упомянутые поэтом в завершающей строфе? Заметим, что в повести «Яр» (<1915>) звучит мужской плач – с приведением конкретного фрагмента жанрового включения: Филипп причитает над нарочно отравившейся сестрой Олимпиадой – «заголосил по-бабьему» [Есенин 1997: V, 143].

В отношении «Поминок» нельзя однозначно решить, связано ли изображаемое обрядовое событие с чрезвычайно тяжелой ситуацией – Первой мировой войной. С одной стороны, допустима трактовка в духе «свадьбы-похорон», с «вечными невестами» – несостоявшимися молодками, но уже считающимися родственников жениха своей новой родней (отсюда упоминание золовок). С другой – «невестами» на Рязанщине (и в других местах России) называли совершеннолетних девушек, которых можно было сватать: ср. у Есенина – «Заневестилася кругом роща елок и берез» из «маленькой поэмы» «Микола» (1915); так что упомянутые героини могли оплакивать своих братьев, отцов и даже лиц женского пола, необязательно женихов. Кроме того, обычно на войне погибших хоронили их однополчане – на спешно возведенных воинских кладбищах, находившихся рядом с местом последнего сражения. Там в принципе не присутствовали женщины, кроме сестер милосердия. Конечно, какие-то убиенные воины по воле случая могли быть погребены на расположенных неподалеку от родного дома сельских кладбищах, где пролежала линия фронта, и туда пришли воздать последние почести их родные, но это, скорее, исключе-

ние. Другие солдаты и офицеры умирали от ранений в военных госпиталях в тылу, вдали от дома. Попутно возникает вопрос: Есенин взял за основу кладбище в родном селе или довообразил погост в прифронтовой полосе, где он впоследствии увидит множество подобных сооружений в период службы в армии в 1916–1917 годах? Думаем, что осененное ивовыми ветвями кладбище в с. Константиново (равно как и в соседних селах) более узнаваемо в стихотворении.

Плачи на кладбище звучали не только при похоронах (четкого обозначения этого скорбного ритуала в стихотворениях нет), но и в «родительские субботы», и вообще при любом посещении могил близких людей; так что нельзя утверждать, что Есенин изобразил одномоментное захоронение множества или хотя бы нескольких покойников. Могло быть так, что хоронили одного умершего, а причитали и по нему, и по ранее скончавшимся. Или Есенин изобразил именно поминки в особые календарные дни, а не после похорон. Об этом свидетельствует и двукратное упоминание нищих с сумками и странниц, которые поспешили в специальные ритуальные дни на кладбище угоститься принесенной посетителями едой и таким образом помянуть покойников.

Проблема исторического контекста стихотворения. Есенин использовал обозначение «отпетая могила», восходящее к понятию «отпевание», которое более известно как «чин погребения усопшего», наполненный молитвами и др. церковными песнопениями, но имеет и иной смысл — «конец пения, церковного служения», что прекрасно знал Есенин [Дьяченко 1990: 397]. Уже было сказано, что, по мнению некоторых исследователей, время написания стихотворения (датировка остается гипотетичной) может быть подкреплением гипотезы об отражении в нем трагедии идущей Первой мировой войны, погубившей сельских парней-солдат [Рынгач 2013: 89; Скорыходов 2014: 324–325]. Действительно, одноклассник Есенина по начальному сельскому училищу вспоминал, что, когда поэт призывался в 1915 г. и сначала получил отсрочку как ратник II разряда, «война к этому времени унесла из константиновских семей уже не одного кормильца» [Калинкин 1965: 79]. Однако в созданном в то же время «Яре» нет отголосков войны, а в «Поминках» поэтическая зарисовка печального события на кладбище носит обобщающий характер, поскольку таким же способом, под похоронные плачи вдов, поминали воинов в Русско-японскую войну 1904–1905 годов и во все предшествующие войны, а также в последующие (если иметь в виду сельское кладбище, а не братское воинское с почетным караулом). Вроде бы мотив голошения невест и золовок (в меньшей степени — крестных матерей) направляет восприятие читателя в сторону войны с ее убийственными законами, но безусловных доказательств изображения военной трагедии в стихотворении нет.

В рецензии З.Б. (Зои Бухаровой) на «Радуницу» (1916) выделено стихотворение: «Сергей Есенин музыкален и красочен. Он лирик и художник

родного быта. В последнем отношении интересны пьесы: “Калики”, “Поминки” <...>» [З.Б.: стб. 149]. Подчеркнем: критик находит в «Поминках» живописание «родного быта», но не военную тему, чрезвычайно актуальную в Первую мировую войну. Показательно, что Есенин не включил «Поминки» ни в один последующий сборник (в том числе в два издания «Радуницы» 1918 г. и в одно 1921 г. — с измененными составами); далее редактор «Собрания стихотворений» И.В. Евдокимов поместил стихотворение в посмертный 4-й том [Есенин 1927: IV, 55–56]. Возникает вопрос: почему Есенин не позаботился ввести «Поминки» в какой-либо из многочисленных авторских сборников или хотя бы журнальных подборок? То ли он не смог найти свою первую книгу с этим произведением и забыл текст (что маловероятно при его уникальной памяти, отмеченной современниками), то ли не посчитал «Поминки» особо удачным сочинением, несмотря на похвалу критика.

У Есенина имеется группа стихотворений, напрямую посвященных Первой мировой войне или хотя бы затрагивающих ее зловещую тему, вводящих «военные маркеры» в текст: «Богатырский посвист» (<1914>), «Бельгия» (<1914>), «Узоры» (<1914>), «Удалец» (<1914–1915>), «Греция» (<1914–1915>), «Польша» (<1914–1915>) [Летопись: I, 191, 195, 198; Скороходов 2002: 194] и др. Условные датировки даны по 2–3 источникам и без уточнения месяцев написания, неважных нам для изучаемой темы. Ни одно из этих стихотворений не вошло в три издания «Радуницы» (1916, 1918, 1921), кроме «Руси» (1914) с ее явными грозными отсветами разразившейся Первой мировой войны (произведение опубликовано в двух последних сборниках). В отличие от «Поминок» с многоплановостью и неоднозначностью содержания, позволяющего по-разному трактовать текст и высказывать прямо противоположные догадки, остальные стихотворения и «маленькая поэма» «Русь» вполне убедительно демонстрируют военную тематику, написаны прямолинейно и частично в «плакатной» и ура-патриотической стилистике, что свидетельствует об их сочинении в самом начале войны в качестве скорейшего отклика на зловещие события, когда не было времени для рефлексии.

О множественности порождаемых смыслов, сознательно допускаемой поэтическими средствами, Есенин писал Иванову-Разумнику в мае 1921 г.: «<...> я <...> отказался от всяких четких рифм и рифмую теперь слова только обрывочно, коряво, легкокасательно, но разносмысленно <...>» [Есенин 1997: VI, 124. № 108].

В зачине «Поминок» сироты-ветлы (порода ивы) с косниками (лентами или более сложным украшением на конце девичьих кос) метафорически отождествлены с крестьянскими девушками — по разным причинам осиротевшими: потерявшими на войне отцов и женихов — несостоявшихся по той же причине молодых мужей или по обычным бытовым причинам утратившим их (кстати, собиравшиеся под венец невесты-сироты нака-

нуну венчания ходили на кладбище просить благословения у умерших родителей и голосили на могиле). Если под косниками подразумевать ивовые цветущие сережки и принимать в расчет клейкий хмель (его недавно наполнившиеся соком молодые побеги), то обрядовое время действия похоже на Радоницу (Радуницу – диал.) – день поминовения усопших; об этом косвенно свидетельствует помещение стихотворения в сб. «Радуница» (1916). Этот образ сопрягается со стихотворением «Край любимый! Сердцу снятся...» (1914): «И вызванивают в четки / Ивы, кроткие монашки» [Есенин 1995: I, 39]. Подобная картина нарисована ранее в стихотворении «На память об усопшем у могилы», приведенном Есениным в письме к другу юности Г.А. Панфилову в августе – начале (?) сентября 1912 г. из Москвы – с начальными и срединными строками: «В этой могиле под скромными ивами / Спит он, зарытый землей» и «Спит он, а ивы над ним наклонились, / Свесили ветви кругом» [Есенин 1997: VI, 17. № 9].

Ритуал посещения женщинами кладбища в субботу накануне Дня Жен-Мироносиц, т. е. ближе к окончанию Радоницкой недели, сохранялся в начале 1990-х годов в Рязанской обл. в д. Аксёново Рыбновского р-на (б. Кузьминской вол. Рязанского у.); они приносили пасхальные яйца, а в д. Салаур Шиловского р-на – еще и кутью [Тулцева 1994: 397]: вспомним коливо в «Поминах». Однако в стихотворении Есенина крашенные яйца не упомянуты (а поэт всегда был точен в изображении этнографических деталей), что свидетельствует либо об обнищании крестьян в тяжелую годину, либо об ином ритуальном времени, не радуничном – напр., 29 августа (11 сентября по н. стилю), в день Усекновения главы Иоанна Предтечи (обычай «установлен в 1769 г. во время войны с Турцией и Польшей»), или в Дмитровскую субботу перед 26 октября (8 ноября по н. ст. По преданию, ее установил великий князь Дмитрий Донской по совету Сергия Радонежского после Куликовской битвы в 1380 г.). В эти дни совершается «поминовение воинов, убиенных за Отечество» [Настольная книга 2001: IV, 497].

Особые воинские поминальные дни ощутимы в историческом контексте Первой мировой войны, но, как уже было сказано, специальных поэтических констант этого ритуального плана в стихотворении нет, кроме причитания невест, потерявших женихов (но это тоже предположение). С осенними днями согласуется упоминание «толстого слоя пыли» на камнях, но клейкость хмеля указывает на весну или начало лета. Получается, что стихотворение в обобщенном виде воссоздает народный поминальный обычай без привязки к календарным дням. В символическом ключе отмечается идея похорон как «свадьбы наоборот» [Самоделова 2006: 131].

Исследователи видят в теме смерти у Есенина «безусловный онтологический статус» [Khazan 1995: 49]. Смысл могилы у поэта парадоксален — с учетом сопоставлений «отпетый покойник (человек)» — «отпетая могила»: «Однако в художественном тексте С.А. Есенина человек — это сущность могилы, следовательно, она вобрала в себя все человеческие качества, присущие ее некогда живому постояльцу. <...>. Ср.: “Ищут странницы отпетую могилу” (“Поминки”) <...>» [Сидорова, Никифорова 2016: 89].

Выбор Есениным художественных средств и лирического сюжета для стихотворения. «Мертвые жилища» — это оксюморон и одновременно метонимия Есенина, иносказательное авторское обозначение деревянных кладбищенских крестов, прикрытых крышей из двух досочек, напоминающих своим видом деревенские избы с двухскатной крышей; распространены повсеместно. Такие традиционные кресты уже наши современники считают старообрядческими, видели в с. Шехмино Рыбновского р-на (б. Рязанского у.): «Кресты все деревянные, у них на кресте крыша» (записи Е.А. Самоделовой, тетр. 27, с. 89 — Охошина Т.Ф., 1941 г.р., родом из д. Антоново Касимовского р-на, живет в с. Константиново Рыбновского р-на, 25.08.2005). Значительно позже, 1 июня 1924 г., в «Возвращении на родину» Есенин опишет намогильные кресты с позиции мужчины, побывавшего на войне: «Здесь кладбище! / Подгнившие кресты, / Как будто в рукопашной мертвецы, / Застыли с распростертыми руками» [Есенин 1997: II, 90].

На некоторых кладбищах Рязанской обл. на могилах вместо крестов установлены на высоких деревянных столбах (примерно в рост человека) маленькие часовенки с крохотными иконками и лампадками, очень похожие на домики с крестом на крыше; они были при жизни Есенина и сохраняются до сих пор [Кремлева: II, 185, 187–188 — фото в с. Занины Починки Касимовского у., 1916].

В поминальном контексте менее вероятно, что образ «мертвого жилища» восходит к диалектным словам — «домовина» и «домовище», «домовье» (в Псковской губ.), означающим «гроб, особ<енно> односторонний, долбленный, какой любят крестьяне в Новгородской, Вологодской, Костромской <губ.> и пр.» [Даль 1980: I, 480] (геогр. пометы раскрыты нами. — Е.С.). В с. Константиново младшая современница поэта рассказала, что его мать — Т.Ф. Есенина и священник о. Иоанн Смирнов хранили заранее изготовленную «домовину» на потолке, как и многие жители села (записи Е.А. Самоделовой, тетр. 23, с. 29 — Цыганова А.И., 1917 г.р., 13.09.2000); мать поэта привела народную примету, что «загодя гроб сделаешь — дольше проживешь» [Самоделова 2006: 863]. Известны случаи обрядового свадебного ряженья «упокойником» и шуточного (не приуроченного ни к какому ритуалу) укладывания в гроб, который молодежь возила по селу, как сани [Самоделова 2006: 133–134]. Также Есенин мог прочитать

в «пособии по самообразованию» В.А. Келтуялы, когда, например, он готовился к поступлению в учительский институт, о символике народных «похоронных песен»: «Гроб в связи с идеей подземной жизни представляется жилищем, домом» [Келтуяла 1906: 128]. И если под «мертвыми жилищами» полагать именно гробы как переосмысленное клише «жилища мертвых» (что менее вероятно, чем весь комплекс могильных холмиков под крестами), то при чтении стихотворения возникает другая картина: ивы склонились над поставленными рядом несколькими гробами, которые еще необходимо опустить в могилы, и далее следует описание отпевания священником с дьяконом одного захороненного покойника за другим. Еще раз подчеркнем: согласно названию стихотворения, речь в нем идет именно о поминовении давно усопших, а не о погребении недавно скончавшихся людей.

«Поминки» написаны на один из «вечных сюжетов», посвященных теме поминания усопших в любой этнической культуре мира, но здесь этот сюжет разработан на конкретике православия и отражает народное поминовение усопших с участием церковного причта, с исполнением на кладбище литии при поминании в «родительский день» или, что менее вероятно, с совершением панихиды при погребении покойника. На деревенских кладбищах, тем более расположенных далеко от села или его центра с церковью, часто прихожане просили священника, прибывшего отпеть покойника, заодно совершить поминальный ритуал у могил давно погребенных их родственников. Но и в «родительские дни» (вторая, третья и четвертая субботы Великого поста, Радуница, Дмитриевская суббота) и, тем более, во Вселенские субботы (Мясопустная и Троицкая), а также в День Усекновения главы Иоанна Предтечи как поминальный день погибших воинов священники совершали заупокойные службы на кладбище. В стихотворении Есенина возможно наложение нескольких смыслов.

При жизни Есенина нищие и богомольные странницы посещали кладбище ради подаяния или подбирания угощения, положенного на могилу родственниками покойного: «Вяжут нищие над сумками бечевки», «Ищут странницы отпетую могилу» [Есенин 1996: IV, 118]. Если родственники клали еду для символического «кормления» покойника, то голодные странники не гнушались поднять с кладбищенской земли и съесть такое угощение, осенив себя крестным знаменем. Практика участия неимущих в похоронной обрядности существовала не только в Рязанской губ.; известен случай с перемещением городского кладбища подальше от Царского Села из-за особенностей поведения посетителей кладбища: «<...> до 1747 года существовало кладбище с церковью, перенесенную отсюда по повелению Императрицы Елисаветы Петровны в Кузьмино. В то время погребальные церемонии сопровождалась, по обычаю, причитаниями и громкими

воплями нищих и всяких кликуш. Это производило на суеверную императрицу дурное впечатление, и она приказала перенести и кладбище, и церковь подальше от слободы, дворца и парков, в которых всё было устроено для увеселения и отдыха от забот и повседневных трудов» [Вильчковский 1911: 53–54].

В стихотворении Есенина прицельно указано несколько могил, а не одна: это «мертвые жилища», «ташат галки рис с могилки постный», «под черед» (то есть по очереди) «ишут странницы отпетую могилу». Таким способом, применив метонимический перенос, поэт создал зримую картину кладбища, хотя прямого лексического обозначения его нет. Упоминание «отпетыи могилы» не свидетельствует о ее единичности, но, наоборот, удостоверяет множественность могил (их обобщение), последовательно обходя которые, причт совершает на каждой панихиду или ее краткий чин – литию. Однако при поминании в «родительские дни» на кладбище во главе со священником проводится лития – «коленипреклонение, усердное всенародное моление», что особенно актуально при всеобщем несчастье – войне, эпидемии [Дьяченко 1990: 284].

«Длинный поп в худой епитрахили / Подбирает черные копейки» [Есенин 1996: IV, 118]: он показан церковнослужителем очень бедного прихода, не имеющего средств приобрести новый обязательный элемент священнического облачения – «епитрахиль», т. е. полосу ткани, надеваемую на шею под ризу для обозначения его духовного сана, символизирующую нисходящую благодать Св. Духа и необходимую для жеста покрывания голов в определенные моменты церковной службы, при исповедовании православных христиан в храме [Дьяченко 1990: 175–176]. Поп поднимает с земли почерневшие медные копейки, очевидно, сбереженные с давних пор и положенные на могилу в «родительский день» или брошенные крестьянами в неглубокую могилу, по народному поверью, на откуп земли для покойника; во втором случае с оседанием надгробного холмика эти монетки оказались на его поверхности. Добровольное пожертвование родственников покойного причту за отпевание на кладбище слишком мало: вот и приходится наклоняться за копейками. Камни с толстым слоем пыли свидетельствуют о нехватке времени на ежегодное обихаживание могил, обычно проводимое перед церковными поминальными днями (родительскими субботаами) [Скорыходов 2014: 325]. Безусловно, бедственное положение народа налицо; вероятно, оно связано с войной и, конечно, отражает вообще тягостную долю крестьянства и низшего духовенства в начале XX в.

Важно отметить почитание народом убиенных ратников как героев – защитников Отечества: в 1903 г. император Николай II издал указ о совершении в этот день панихиды по убиенным, «за веру, царя и Отечество, на поле брани живот свой положившим» [Булгаков 1993: ч. I, 428; Крем-

лева 2009: II, 207]; вопреки мнению: [Скороходов 2014: 324]. В «Молитвослове» выделяется особый чин «поминовения о православных воїнех и о всех за веру и Отечество на брани убиенных» [Заупокойная молитва о воинах], хотя по сути являющийся обычной панихидой. Безусловно, Есенин знал это еще с поры обучения в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе, хотя в то мирное время общественное поминание православных воинов не было особенно актуальным. Но в 1915–1916 гг. не только в «Поминках», но и в стихотворении «Запели тесаные дроги...» (<после 25 октября 1915 и до 20 апреля 1916>) [Летопись: I, 276] появляется неявно выраженный погребально-поминальный пейзаж: «Опять часовни на дороге / И поминальные кресты», с «холодной скорбью» и с Русью «на туманном берегу» [Есенин 1995: I, 83]. Здесь сквозит изображение по сути «того берега», который отделен рекой от мира живых, а гроб с мертвецом, согласно народному поверью, нельзя перевозить через реку дважды – напр., для отпевания в храме и затем для погребения на далеко отстоящем от селения кладбище (записи Е.А. Самоделовой от В.А. Ворожейкина, 1972 г.р., из с. Абашево Спасского р-на Пензенской обл., в Москве в 2022 г.). Первая мировая война может выступать в произведениях Есенина в качестве метаконтекста.

Выводы. Безусловно, узкая дата помогает подтвердить не только определенные рамки, но и более широкие границы написания стихотворения, отнести его к Серебряному веку и к пришедшей на это время Первой мировой войне, но она (война) проступает лишь косвенно в вечной ритуальной теме сочинения. Вся поэтическая структура и лексическая наполненность произведения (в том числе членение на строфы, ритмика и способ рифмовки, использование диалектизмов с усечением окончаний («крѣстны»), уровень мастерства автора, его следование уже сложившейся литературной традиции описания кладбищенского быта показывают, что стихотворение «Поминки» не могло быть создано ранее, когда господствовали другие мировоззренческие установки и уровень культуры стихосложения в целом был иным, ориентированным на прежние эстетические идеалы, несмотря на «вечность» поднимаемой тематики.

В то же время нельзя абсолютизировать дату, какой бы она ни была: неизвестно, в Петрограде создал это стихотворение Есенин или привез его из Москвы завернутым в женский платок, как об этом вспоминал в мемуарах «О Сергее Есенине» в 1926 г. С.М. Городецкий: «Стихи он принес завязанными в деревенский платок» [С.А. Есенин в воспоминаниях 1996: I, 179; Летопись: I, 209]. До сих пор старожилы Рязанщины хранят завязанными в белый покупной платок с незамысловатым печатным орнаментом ценные православные книги: Библию, Евангелие или Требник (по данным фольклорно-этнографических экспедиций Е.А. Самоделовой

в Рязанскую обл. в 1980–2020-е гг.). В Первую мировую войну поэт создал целый ряд произведений, в том числе вошедших в «Радуницу», которые посвящены совершенно не военным темам, а преимущественно событиям христианской истории, перенесенным на русскую почву, зарисовкам православных праздников в деревнях и вообще изображению сельского быта. Это с одной стороны.

А с другой – в тот период Есенин в Петрограде исполнял рекрутские частушки, причем военное время указывало не просто на армейскую, но на их фронтовую тематику – об одном таком вечере периода с 28 марта по 28 апреля 1915 г. на квартире К.Ю. Ляндау вспоминал В.С. Чернявский: «После стихов он принялся за частушки <...>. Многие частушки были уже на рекрутские темы <...>» [С.А. Есенин в воспоминаниях 1996: I, 201]. Тогда же Есенин сочинял стихотворения конкретно о Первой мировой войне (см. выше).

Факт «невключенности» ни одного стихотворения с явной военной тематикой в издание «Радуницы» (1916) косвенным образом свидетельствует о его наполнении «мирными» произведениями, к которым в определенной мере принадлежат и «Поминки». В то же время название «Радуница» со значением дня поминовения умерших основывается в первую очередь на «Поминках», поставленных в центре первого раздела «Русь» (8-м по счету из 15 стихотворений). «Поминки» относятся к типу стихотворений на «вечные темы», и военное лихолетье в них очень завуалировано (или ощущается только его гнетущая атмосфера), угадывается лишь при акценте на образы причитающих невест (если их понимать в прямом смысле) и при сопоставлении содержания со временем публикации поэтического сборника. Получается, что нельзя сделать однозначный вывод о тематике произведения, в котором описание поминок и похоже на картину похорон, и непонятно, в родной земле упокоились защитники Отечества или «простые смертные»?

Формат статьи не позволил нам рассмотреть ряд вопросов, представляющих важные для анализа «Поминок»: 1) из чего готовилось коливо при жизни Есенина и какова история вопроса о нем; 2) чем отличается обычное кладбище от военного и видел ли последнее поэт? Этой проблематике будет посвящена отдельная статья.

Список литературы

Источники

- Есенин С.А.* Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.). М.: Наука; Голос, 1995–2001.
Есенин С.А. Стихи и проза / сост. И.В. Евдокимов. М.: Госиздат, 1927. Т. 4. 516 с.; 2-е изд. Л.: Биб-ка всемирной лит-ры, 1928.

Литература

Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей: В 2 ч. М.: Издат. отдел Моск. патриархата, 1993. Ч. 1. 1772 с. (1-е изд. — 1892, 2-е изд. — 1913).

Вильчковский С.Н. Царское Село. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911. 278 с.

Громов Д.В. Намогильные камни и их мифо-ритуальное осмысление в Восточном Подмоскowie // Этнография. 2023. № 4. С. 210–236.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М.: Изд-е М.О. Вольфа, 1880. Т. 1. LXXXIV. 723 с.

Дьяченко Г. свящ., магистр. Полный церковно-славянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М.: Тип. Вильде, 1900. XL, 1120 с.

Заупокойная молитва о воинах. URL: <https://azbyka.ru/molitvoslov/molenie-o-upokoenii-pravoslavnyx-voinov-za-veru-i-otechestvo-na-braniubiennyx.html> (дата обращения: 20.08.2023).

З.Б. <Рец> // Нива. Прилож. 1916, май. № 5. Стб. 149.

Калинкин Н.П. В одном классе // Воспоминания о Сергее Есенине / Под ред. Ю.Л. Прокушева. М.: Московский рабочий, 1965. С. 77–79.

Келтуяла В.А. Курс истории русской литературы. Ч. 1. История древней русской литературы. Кн. 1. СПб.: Тип. Попечительства Императ. Человеколюб. О-ва, 1906. VI, 764 с.

Кошечкин С.П., Юсов Н.Г. Комментарий // Есенин С.А. Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.). М.: Голос, 1996. Т. 4. С. 380–381.

Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские Рязанского края: В 2 т. М.: Индрик, 2009. Т. 2. С. 168–215.

Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: В 5 т. (7 кн.) / гл. ред. Ю.Л. Прокушев, Н.И. Шубникова-Гусева. М.: ИМЛИ РАН, 2003–2018.

Михайлов С.С. Современное состояние похоронно-поминальной обрядности у старообрядцев Гуслиц и Гжели. Ч. 2 // Старообрядчество: история, культура, современность. М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 2002. Вып. 12. С. 51–56.

Настольная книга священнослужителя: В 8 т. М.: Изд-во Моск. патриархии, 2001. Т. 4. 814 с.

Прокушев Ю.Л. Юность Есенина. М.: Московский рабочий, 1963. 192 с.

Рынгач Л. «Все мы, все мы в этом мире тленны...» (Традиции народного поминального обряда в поэзии С.А. Есенина) // Современное есениноведение. 2013. № 24. С. 44–55.

С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. ст., сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. 510 с.

Самодолова Е.А. Антропологическая поэтика С.А. Есенина: авторский житнетекст на перекрестье культурных традиций. М.: Языки славянской культуры, 2006. 920 с.

Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы / Под общ. ред. Н.И. Шубниковой-Гусевой. М.: Республика, 1995. 606 с.

Сидорова О.Б., Никифорова О.В. Синтагмантика лексемы «могила» в лирике С.А. Есенина // Современное есениноведение. 2016. № 2 (37). С. 86–90.

Скорыходов М.В. О датировке ранних стихотворений С.А. Есенина в «Летописи» // Новое о Есенине. Исследования, открытия, находки. Рязань; Константиново: Б/и, 2002. С. 184–198.

Скорыходов М.В. Сергей Есенин: Истоки творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 383 с.

Тулъцева Л.А. Сельские варианты праздника Жен-Мироносиц // Женщина и свобода. Пути выбора в мире традиций и перемен. М.: Наука, 1994. С. 397–401.

Khazan V. Заметки к теме «Смерть в художественном мире С. Есенина» // Revue des Etudes slaves. Paris, 1995. T. LXVII. P. 49–64.

Reference

Istochniki

Yesenin S.A. (1995–2001). *Polnoe sobranie sochinenij* [Full composition of writings]. In 7 vol. (9 books). Moscow: Nauka, Golos Publ. (In Russ.).

Yesenin S.A. (1928). *Stikhi i proza* [Poetry and prose] /сост. I.V. Evdokimov. Moscow, Gosizdat Publ., 1927. Vol. 4. 516 с.; 2-е изд. Leningrad: Biblioteka Vsemirnoy literatury Publ. (In Russ.).

Literatura

Bulgakov S.V. (1993). *Nastol'naya kniga dlya svyashchenno-cerkovno-sluzhitelej* [Handbook for priests and clergy]. In 2 ch. Moscow: Izdat. otdel Moskovskogo patriarhata Publ. Ch. 1. 1772 p. (In Russ.).

Vilchkovsky S.N. (1911) *Tsarskoye Selo*. St. Petersburg, Partnership of R. Golike and A. Vilborg Publ. 278 p. (In Russ.).

Gromov D.V. (2023). *Namogil'nye kamni i ih mifo-ritual'nye osmysleniya v Vostochnom Podmoskov'e* [Gravestones and their mythological and ritual understanding in the Eastern Moscow region]. In: *Ethnography*. No. 4. Pp. 210–236. (In Russ.).

Dal' V.I. (1880). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. In 4 vol. Saint Petersburg; Moscow: Izdanie M.O. Vol'fa Publ. Vol. 1. LXXXIV. 723 p. (In Russ.).

D'yachenko G., svyashhennik, magistr (1900). *Polnyj cerkovno-slavyanskij slovar' (s vnoseniem v nego vazhnejshih drevnerusskikh slov i vy'razhenij)* [Complete Church Slavonic dictionary (including the most important Old Russian words and expressions)]. Moscow: Tipogr. Vi' de Publ. XL, 1120 p. (In Russ.).

Zaupokoynaya molitva o voinah. URL: <https://azbyka.ru/molitvoslov/molenie-o-upokoenii-pravoslavnykh-voinov-za-veru-i-otechestvo-na-brani-ubiennyx.html> (дата обращения: 20.08.2023).

Z.B. <Recenziya> (1916). *Niva*. Prilozhenie. Maj. № 5. Stb. 149. (In Russ.).

Kalinkin N.P. (1965). *V odnom klasse* [In one class]. In: *Vospominaniya o Sergee Esenine*. Edit. YU.L. Prokushev. Moscow: Moskovskij rabochij Publ. Pp. 77–79. (In Russ.).

Keltuyala V.A. (1906). *Kurs istorii russkoj literatury. Chast' 1. Istoriya drevnej russkoj literatury* [Course on the history of Russian literature. Part 1. History of ancient Russian literature]. Book 1. Saint Petersburg: Tipogr. Popechitel'stva Imperatorskogo Chelovekoljubivogo Obshhestva Publ. VI. 764 p. (In Russ.).

Koshechkin S.P., YUsov N.G. (1996). *Kommentarij* [A comment]. In: Esenin S.A. *Polnoe sobranie sochinenij*. In 7 vol. (9 b.). Moscow: Golos Publ., 1996. Vol. 4. Pp. 380–381. (In Russ.)

Kremleva I.A. (2009). *Pohoronno-pominal'nye obychai i obryady* [Funeral customs and rituals]. In: *Russkie Ryazanskogo kraja*. In 2 vol. Moscow: Indrik Publ. Vol. 2. Pp. 168–215. (In Russ.)

Letopis' zhizni i tvorchestva S.A. Esenina (2003–2018) [Chronicle of the life and work of S.A. Yesenin]. In 5 vol. (7 books). Edit. YU.L. Prokushev, N.I. SHubnikova-Guseva. Moscow: IMLI RAN Publ. (In Russ.)

Mihajlov S.S. (2002). *Sovremennoe sostoyanie pohoronno-pominal'noj obryadnosti u staroobryadcev Guslic i Gzheli. CHast' 2*. [The current state of funeral and memorial rites among the Old Believers of Guslitsy and Gzhel. Part 2]. In: *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'*. Moscow: Muzej istorii i kul'tury staroobryadchestva Publ. Is. 12. Pp. 51–56. (In Russ.)

Nastol'naya kniga svyashchennosluzhitelya (2001) [Clergyman's Handbook]. In 8 vol. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskoj patriarii Publ. Vol. 4. 814 p. (In Russ.)

Prokushev YU.L. (1963). *YUnost' Esenina* [Yesenin's youth]. Moscow: Moskovskij rabochij Publ. 192 p. (In Russ.)

Ryngach L. (2013). «*Vse my, vse my v etom mire tlenny...*» (*Tradicii narodnogo pominal'nogo obryada v poezii S.A. Esenina*) [“We are all, we are all perishable in this world...” (Traditions of folk funeral rites in the poetry of S.A. Yesenin)]. In: *Sovremennoe eseninovedenie*. № 24. Pp. 44–55. (In Russ.)

S.A. Esenin v vospominaniyah sovremennikov (1986) [S.A. Yesenin in the memoirs of his contemporaries]. In 2 vol. Vstup. st., sost. i komment. A.A. Kozlovskogo. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ. Vol. 1. 510 p. (In Russ.)

Samodelova E.A. (2006). *Antropologicheskaya poetika S.A. Esenina: avtorskij zhiznetekst na perekrest'e kul'turnyh traditsij* [Anthropological poetics S.A. Yesenin:

the author's biography at the crossroads of cultural traditions]. Moscow: YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ. 920 p. (In Russ.)

Sergej Esenin v stihah i zhizni: Pis'ma. Dokumenty (1995) [Sergei Yesenin in poetry and life: Letters. Documentation]. Edit, N.I. SHubnikovf-Gusev. Moscow: Respublika Publ. 606 p. (In Russ.)

Sidorova O.B., Nikiforova O.V. (2016). *Sintagmantika leksemy "mogila" v lirike S.A. Esenina* [Syntagmatics of the lexeme "grave" in the lyrics of S.A. Yesenin]. In: *Sovremennoe eseninovedenie*. № 2 (37). Pp. 86–90. (In Russ.)

Skorohodov M.V. (2002). *O datirovke rannih stihotvorenij S.A. Esenina v "Letopisi"* [On the dating of the early poems of S.A. Yesenin in the Chronicle]. In: *Novoe o Esenine. Issledovaniya, otkrytiya, nahodki*. Ryazan'; Konstantinovo, B/izd. Pp. 184–198. (In Russ.)

Skorohodov M.V. (2014). *Sergej Esenin: Istoki tvorcestva* [Sergei Yesenin: Origins of creativity]. Moscow: IMLI RAN Publ. 383 p. (In Russ.)

Tul'tseva L.A. (1994). *Sel'skie varianty prazdnika ZHEN-Mironosits* [Rural versions of the feast of the Myrrh-Bearing Women]. In: *ZHenshchina i svoboda. Puti vybora v mire tradicij i peremen*. Moscow: Nauka Publ. Pp. 397–401. (In Russ.)

Khazan V. (1995). *Zametki k teme "Smert' v hudozhestvennom mire S. Esenina"* [Notes on the topic "Death in the artistic world of S. Yesenin"]. In: *Revue des Etudes slaves*. Paris. Vol. LXVII. Pp. 49–64. (In Russ.)

Сведения об авторе

Самоделова Елена Александровна – доктор филологических наук; Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), Москва, Россия; старший научный сотрудник; научные интересы: русский фольклор, литературно-фольклорные связи, творчество С.А. Есенина.

Information about the author

Elena A. Samodelova – Doctor of Philology; A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (IWL RAS), Moscow, Russian Federation; senior research fellow; scientific interests: Russian folklore, literary and folklore connections, creativity of S.A. Yesenin.